

Три рассказика о Вениамине Абрамовиче, искусствоведе и человеке

Экзерсис

Мой друг, Вениамин Абрамович, видный искусствовед, кроме всего прочего — блистательный рассказчик. Ни за что не сумею воспроизвести на письме совершаемый им ритуал утреннего надевания ботинок, транспонируя очаровательную вербальную версию в нечто уныло аморфное. Образный смысл процесса все едино останется вне контекста. Поскольку надо собственными глазами видеть, как Вениамин Абрамович опасливо ставит ногу на заветную тумбочку, или, по крайней мере, слышать, какое вкрадчивое ехидство обретает его интимно преобразившийся голос, когда он нежно касается означенного предмета. Столбенея в коридоре, Вениамин Абрамович вынужден прислушиваться на два фронта, ибо любимая теща пребывает в кухне, а любимая жена в комнате, а потому желательно поддерживать звуковой контакт с той и другой параллельно. Лучше задавать обоюдоострые вопросы, получая информацию из двух независимых источников, что дает возможность довольно сносно оценивать позицию неприятеля. Выполняя этот отвлекающий маневр, растопырив уши и позаячи счастливо скосив глаза, Вениамин Абрамович — раз! — забрасывает правую (возможно, левую, но, по-моему, он правша) ногу на роскошную резную тумбочку и стремительно шнурует ботинок. Не вдумываясь в обстоятельные ответы на свои сакраментальные вопросы, но при этом четко зафиксировав мгновенное местоположение жены и тещи, он тут же задает новую серию именно что наводящих снайперских вопросов и — раз! — откуда его не поймали на горячем, закидывает вторую ступню на омерзительно полированную поверхность. Нежданно раздается посторонний звук — чу! — но это всего лишь отворили скрипучую форточку в кухне. Следует глубокий выдох, и Вениамин Абрамович победительно пружинит на обоих ботиночных носках перед зеркалом, запихиваясь в долгополое пальто — что, съели? И чуть позже, с чувством исполненного гражданского и супружеского долга, громогласно, но не чересчур, и даже с некоторым подбострастием сигналил из дверного проема: "Ну, я пошел!" Выскакивает на улицу и вдыхает полной грудью.

Нечто о памятниках архитектуры

Я зашел к видному искусствоведа Вениамину Абрамовичу без определенной цели. В это время они с художницей Аленой сидели за столом без определенной цели и пили коньяк стоматологический "Десна". Вениамин Абрамович обрадовался совместной бесцельности и спросил, выпью ли я без определенной цели, а я деликатно промолчал, и он налил. Потом Вениамин Абрамович без определенной цели заговорил о памятниках архитектуры. Я тоже хотел говорить без нее о памятниках архитектуры. Почему не поговорить о памятниках архитектуры? Я всегда говорю о памятниках архитектуры, потому что о них всегда можно поговорить: памятники архитектуры никогда не кончаются. Но пока Вениамин Абрамович говорил о памятниках архитектуры, а мы с художницей Аленой хотели говорить о них, но молчали, кончился коньяк стоматологический "Десна", и Вениамин Абрамович спросил, хочу ли я выпить. Я ответил просто: "К чему эта риторика?". Виталий Абрамович понял, надел пальто и вышел. Художница Алена спросила: "Хотите кофе?". Я нашел этот вопрос бестактным в контексте разговора о памятниках архитектуры. Тогда художница Алена показала мне свои рисунки, изображающие почтенного Вениамина Абрамовича и более приличествующие разговору о памятниках архитектуры. Потом пришел почтенный Вениамин Абрамович, поставил на стол бутылку шампанского, бутылку коньяка и снял пальто. Пальто Вениамина Абрамовича — предмет моей зависти, а художница Алена — нет, потому что она человек и к тому же женщина. Женщина не может быть предметом зависти, потому что, во-первых, она не памятник архитектуры, а во-вторых, не предмет. Точнее, наоборот, во-первых, она не предмет, а во-вторых, не памятник, хотя так же ветшает, а денег на реставрацию не допросишься, будь ты хоть заместителем директора по научной работе, что обидно без определенной цели. А пальто может быть предметом зависти, потому что это предмет и почти что памятник крахмальной архитектуры. Я думал об этом, а Вениамин Абрамович наливал об этом и говорил о памятниках архитектуры. Потом разговор без определенной цели перешел с памятников архитектуры на проституток: художница Алена хочет писать их с натуры без определенной цели, а памятники архитектуры она не хочет писать. Надо было ее спросить, почему она не интересуется нашим культурным наследием, а интересуется проститутками без определенной цели. Но я решил не спрашивать, потому что они (не объекты культурного наследия,

а проститутки) и мне кажутся достойными описания и включения в особый охранный реестр, и надо создать управление охраны и назначить меня председателем, а Вениамина Абрамовича моим заместителем. А если Вениамин Абрамович спросит, почему меня, а не его, председателем, то я отвечу, что он и без того заместитель, то есть привык, и будет работать в привычном режиме. Пока я думал эту мысль без определенной цели, Вениамин Абрамович согласился с нами и даже загорелся этой созвучной памятникам архитектуры темой. Художница Алена объявила, что платит профессиональным натурщицам 50 гривен в час, а я объявил ей, что проституткам средней руки и ноги надо платить 30 долларов за их работу плюс угощение без определенной цели. Художница Алена думает, что проституткам выгоднее позировать за 50 гривен в час, чем делать их работу за 30 долларов плюс угощение без определенной цели. Проститутки, насколько я знаю, думают иначе, потому что любят свою работу, как мы любим памятники архитектуры без определенной цели. Их трудно переубедить в том, что выгоднее за 50 гривен позировать художнице Алене, чем заниматься их общественно полезным делом за 30 долларов плюс угощение, то есть работать, как я и Вениамин Абрамович, в привычном режиме без определенной цели. Об этом я опять промолчал, а Вениамин Абрамович развивал эту тему без определенной цели, поскольку у него большая надежда на проститутку, которые станут за 50 гривен позировать художнице Алене, которая ничего не знает о проститутках, а хочет знать, а памятники архитектуры еще дождутся своего часа или не дождутся. Тем более что о них всегда можно поговорить без определенной цели. Когда коньяк стоматологический "Десна" кончился, Вениамин Абрамович все еще продолжал развивать эту тему с художницей Аленой, а я отправился к проституткам без определенной цели говорить о памятниках архитектуры. Почему бы и не поговорить о памятниках архитектуры без определенной цели? Эти разговоры без определенной цели мне ничего не стоили — я люблю поговорить о памятниках архитектуры без определенной цели, а им (проституткам, а не памятникам архитектуры) все равно, что говорит клиент без определенной цели: лишь бы 30 долларов заплатил...

Абстрактные категории

Бывает такая категория холеных, обласканных достатком и вместе примерных, послушных, одомашненных, что ли, студентов престижных специальностей. Барышня видится мне высокой, с несколько смуглова-

тым иконописным ликом, но ни в коем случае не художочной моделью. Эта нежно округла и столь же плавно, по-лебяжки, жестикулирует. Не видел, но наверно знаю, как элегантно ест, как ласково привлекает в ладошке какое-нибудь яблочко наливное или персик бархатистый. Как в бездумной раздумчивости задирает выразительные глаза с поволокой.

Все сидит на ней ладно, в обтяжку, возбуждая, прямо скажем, вполне здоровый аппетит и искреннее сожаление: в том смысле, что будет сдана в эксплуатацию какому-нибудь мудаку соленому, и замечательное добро пропадет без достойной оценки знатока, гурмана. Это все равно, что скормить виски сорокалетней выдержки ханыге. То есть, на черта ему скоч, когда водка во всех отношениях привычней и полезней. Хотя он, ханыга, пожалуй, крикнет одобрительно, и уже ради одного этого крика вроде как стоило продукт переводить, а всё же.

Что до Вениамина Абрамовича, каковой принимает экзамен у оной не сданной еще в эксплуатацию сочной одомашненной студентки, то он тоже до некоторой степени мудака, правда что восхитительный. Как бы это вам поточнее сформулировать, иллюстративную метафору подыскать. Ну вот, скажем. Появился у нас недавно щенок. Тимофей. Лисий пинчер. Тоже такой смугловатый, округленький, домашний, всеобщий любимец, принимающий холю. Но по малолетству — балбес, каких поискать. Он, например, какашки кошачьи на прогулке трескает, хоть ты его в хвост и в гриву. А потом ему муторно и тошно, глистами исходит и блюет. Это все, понятное дело, процесс познания еще в разгаре. Генетическая программа.

Да, так вот у Вениамина Абрамовича — тоже что-то в этом роде. То есть, нет, выгуливается он без поедания чьих-нибудь катастрофически содержательных экскрементов. Врать не стану: чего нет, того нет. Но все же. Как в том анекдоте: "Рабинович, ваша жена блядь" — "А ваша?" — "Ну, все-таки..." Выпроводил бы ее на фиг, дуреху эту, либо поставил "уд" — какой, право, пошлый получился экивок — за красивые глазки. Так нет же. Продолжает сладострастно познавательный процесс разнюхивания да апробирования. А после тоже тошнота отвратительная мучит, и мне его жаль не меньше, чем придурковатого Тимофея.

Впрочем, бывают же и у кобелей творческие удачи. Пинчер когда-нибудь же вырастет и пойдет чесать беспризорных лис, которых тоже жалко. Потому что они, в свою очередь, пойдут на воротники ухоженным студенточкам, а те пойдут сдавать историю архитектуры к Вениамину Абрамовичу. И таким образом круг замкнется, и в результате все накушаются того неиссякаемого в природе, о чем уже говорено выше.

И тем не менее, отечественный наш искусствовед все длит и длит естественный круговорот, поскольку должно же быть хоть какое-нибудь завалящее исключение из правил или же хотя бы намек на исключение. Вот она, которая вся добротная и в обтяжку, глядит в окошко на указанный ей особнячок, приравнивая к оному тягостно вычитанные формулировки, и особнячок ни в какую не укладывается, стоит себе именно что особнячком. Знаете, если и в зеркало глядеться, имея в виду анатомические, этнические или там социальные признаки, так можно ведь от себя обалдеть, и, похоже (еще один экивок), не самоидентифицировать.

Вениамин Абрамович — не садюга какой-нибудь. Он добрый человек, это я вам гарантирую. И вывожу мое заключение уже хотя бы на прочном человеколюбивом основании того, что ни один мой случайный даже визит не был оставлен им без сочувствия в виде ближайшего гастронома, куда он немедленно рысачил при любой погоде и материальном положении. Да, так вот, наблюдает он очень сочувственно замешательство одомашненной студентки, принимая во внимание также и вопрос безотрадной ее будущности в смысле перспективной сдачи в эксплуатацию мудаку соленому, и говорит успокаивающе: "Я подскажу вам, что вы видите, хорошо?". Одомашненная благодарно зарделась и помалкивает, что уже неплохой, по моему, признак. "Вы видите формы, объемы, светотени, контраст. Так ведь?" Не ведающая еще своей безотрадной будущности неожиданно выдает из себя нечто весьма трогательное: "Я вижу, и я не вижу".

Вообще-то надо было сказать: "Смотрю (гляжу), но не вижу". Но ну ее на фиг, казуистику. Вениамин Абрамович и без того счастливо ошарашен: нет, есть все же справедливость на белом свете, не зря Тимофей разного нажрался, покуда дело до дела дошло. Прекраснодушные Вениамина Абрамовича сейчас простирается до тех неблизких пределов, куда даже лисы Аляски не заглядывают. Он говорит: "Вот и не печальтесь, милая девушка. И знаете почему? Потому что это все абстрактные категории". Вот девушка и возрадовалась тому, что абстрактные, и вышла из музея со всею своею элегантностью, но теперь еще и раскованно. И поглядела на особнячок. И увидала светотени. И радостно проплыла мимо наших окон. И мы увидали рельефные формы с объемами. Потом на противоположной стороне улицы появился роскошный шарпей с неспешной хозяйкой, и круг в виньетке оконной рамы замкнулся.

Вдруг, безо всякой связи с предыдущим. Надо думать, попросту к формам, объемам и светотеням прибавился еще и контраст. Вениамин Абрамович: "Знаешь, за что я люблю мою Нюську?". Нюська — это супруга Аб-

рамовича. Но откуда ж мне знать, о чем он. И потом, какое там "за что?", это ж не кладбищенская, в самом деле, риторика, а тоже метафора. Пауза. "Нюсичка мои рубашки донашивает". Это она их, понятно, не на людях донашивает. Это, знаете ли, неглиже.

Танька мои донашивала. Когда рядом была. Теперь, может, чьи-то донашивает. Не знаю. И знать не хочу. Потому что это всё абстрактные категории. На что они нам? Хрен его знает. Может, в наших с Абрамычем семействах девственность из поколения в поколение передается?

